

Руденко Андрей Михайлович

**СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

В статье на примере современной европейской культуры рассмотрены такие ключевые смысложизненные человеческие экзистенциалы, как любовь и ненависть. В современных условиях они претерпевают культурные трансформации, которые далеко не всегда можно эксплицировать положительно, с точки зрения гуманистических критериев воплощения смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2010/1/37.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). С. 141-143. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2010/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. Носач В. И. Профсоюзы Советской России в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1978.
7. Рязанов Д. Задачи профсоюзов до и в эпоху диктатуры пролетариата: сборник статей. Харьков: Пролетарий, 1923. 108 с.
8. Сенников Н. М., Стремоухов А. В. Профсоюзное право: курс лекций. М.: Норма, 2005. 335 с.

THE MAIN FUNCTIONS OF RUSSIAN TRADE-UNIONS DURING THE FIRST YEAR OF PROLETARIAN DICTATORSHIP FORMATION

Boris Yevguenievich Roshchin

Department of Civil Law and State Study
Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

In the article the main directions of Russian trade-union activities at the primary stages of soviet authority formation are analyzed. The main resolutions of the first all-Russian trade-union congress which defined the main functions and the ways of the following development of trade-unions are considered.

Key words and phrases: Russian trade-unions; the dictatorship of the proletariat; the resolutions of congress; the transfer of trade-unions into government ownership; the functions of trade-unions.

УДК 141.32

В статье на примере современной европейской культуры рассмотрены такие ключевые смысложизненные человеческие экзистенциалы, как любовь и ненависть. В современных условиях они претерпевают культурные трансформации, которые далеко не всегда можно эксплицировать положительно, с точки зрения гуманистических критериев воплощения смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции.

Ключевые слова и фразы: экзистенциал; экзистенция; любовь; ненависть; культура.

Андрей Михайлович Руденко

Кафедра философии и истории

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

amrudenko@list.ru

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ[©]

Какова интенциональность смысложизненных человеческих экзистенциалов в современной европейской культуре? В рамках нашей работы можно выделить лишь некоторые существенные тенденции, имеющие место в современной европейской и отечественной культуре относительно таких важнейших человеческих экзистенциалов, как любовь и ненависть.

Что касается *экзистенциала любви*, то он претерпевает в современных условиях существенные культурные трансформации. В этой связи К. Ясперс еще в начале 30-х годов XX века писал, что любовь исчезла, осталась только польза [7, с. 129]. Все это заставляет говорить о современной уязвимости любви. «В XX в. концепция любви вступает во все более осязаемое расхождение с целостным человеческим опытом и вытекающим из него восприятием жизни... Любовь уязвимая и уязвленная, любовь, парадоксальным образом сочетающая жалость и восторг, эротику и сострадание, все в большей мере приобретает ныне значение некой человеческой константы для самых различных областей проявления этого чувства...», – считает отечественный исследователь В. Малахов [4, с. 233-234]. Некоторые авторитетные исследователи, отмечая кризис любви в современном обществе, призывают к переосмыслению ее традиционных экспликаций. Так, В. М. Розин считает, что «единственный способ сохранить любовь как глубокое и устойчивое чувство – не держаться всю жизнь за образ романтической любви, а *вырастить новый орган или тип любви...*» [5, с. 131]. Новый тип любви он называет креативной любовью или любовью-творчеством: «Любовь-творчество, зрелая любовь должна сменять романтическую любовь, беря из нее все лучшее – духовное делание, идеализацию, эстетическую установку» [Там же].

Однако в современной европейской культуре дискурс любви тесно связан с дискурсом сексуальности, а понятие любви часто замечается понятием «любовная афера» или «либертинаж». По мнению немецкого теоретика и философа средств массовой информации Норберта Больца, в нем усматриваются не только слабые стороны радикальной коммерциализации жизни, но и шанс мирового сообщества выработать иммунитет против вируса фанатичной религии и фундаментализма.

После того, как был развенчан модерн, только консумизм предсказывает захват «посюсторонней глубины» жизни, в том числе и в такой сфере, как любовь [8, с. 141-146]. Общеизвестно, что секс не всегда соотносится с любовью. К этому знанию Н. Больц добавляет, что сама репродукция человека на сегодняшний день не обязательно связана с сексом. Пилюли дали возможность использовать секс ради удовольствия. Сегодня медицина обеспечивает возможность появления на свет детей без секса. Это противостоит архаичному уровню развития человека. Еще М. Фуко отмечает, что «...начиная с классической эпохи происходило постоянное усиление и возрастание значимости дискурса о сексе; ...от этого дискурса, сугубо аналитического, ждали многочисленных эффектов перемещения, интенсификации, реориентации и изменения по отношению к самому желанию» [9, с. 118]. Сегодня же сексуальный выбор становится формой рыночного выбора. Сексуальная ориентация рассматривается как свободный выбор потребителя. Однако Ж. Бодрийар приходит к недоверию относительно сексуального освобождения. Отказ от ограничений и запретов привел к тому, что все стало сексуальным, и от этого секс как бы растворился и исчез [1, с. 7].

Раньше и мужчины, и женщины жили совместно, но по различным правилам. Сегодня считается, что и мужчины, и женщины живут по одним и тем же правилам, но как параллели, которые не пересекаются. Наша современная культура предписывает мужчинам и женщинам скорее быть партнерами или приятелями. Брак трансформируется от таинства через родство душ к юридически оформленному соглашению партнеров. У истоков современного брака находится не священный, а чисто юридический брачный контракт, а следовательно и антиципация развода. Поэтому брак является лишь «периодом жизни», который кончается не смертью супруга, а по соглашению двух экономически ориентированных партнеров [8, с. 144]. Таким образом, положение экзистенциала любви в культуре постмодерна характеризуется ироничным восприятием. Постмодернистская экспликация любви добавляет очень важный аспект утверждению о том, что «немногие люди влюблялись бы, если бы они не слышали об этом» [6, с. 53-57].

Все это заставляет обратить исследовательское внимание еще на один актуальный в современных условиях *экзистенциал ненависти*. «Сегодня человечество живет в пространстве ненависти», – утверждает французский мыслитель Андре Глюксманн в работе «Философии ненависти» (2004), претендующей на то, чтобы «служить введением в гуманитарную науку о ненависти к человеку» [2]. Серьезность аргументации, богатство примеров, пафосность и убежденность автора в сочетании со скрупулезностью стилистического мастерства заставляют серьезно задуматься над основными идеями автора, которые вряд ли стоит считать излишне преувеличенными или лишенными фактической основы в условиях социокультурной реальности XXI века, когда «мир сошел с ума, люди вырождаются то ли в бесполох, то ли в многополох существ, и недалеко конец света» [3, с. 5].

Мыслитель не ставит ненависть в один ряд с другими феноменами враждебности или деструктивности, считая ненависть специфическим феноменом. Вопреки мнениям скептиков Глюксманн утверждает: ненависть существует, мы все встречали ее. И узнавать ее мы должны по следующим признакам: «Ненависть обвиняет, не зная. Ненависть судит, не выслушав. Ненависть выносит приговор по своему желанию. Она ничего не уважает, думает, что противостоит мировому заговору. В конце концов, закованная в латы своей мстительности, она рассекает все узлы произвольным и самовластным ударом зуба. Ненавижу, следовательно, существую» [2, с. 12]. Перефразируя знаменитую декартовскую установку когитальной философии, Глюксманн смело заявляет о фундаментальной атрибутивности ненависти в структуре социокультурной реальности XXI века. На чем же основывается подобное заявление?

Прежде всего, на том, что XXI веке главная опасность исходит не от водородной бомбы, а от бомбы человеческой – терроризма, умышленной агрессии против гражданского населения, неизбежно захватываемого врасплох и беззащитного. Казалось бы, человек еще XX века уже пережил огромные войны, тотальные и тотально убийственные революции, геноциды. Но выработался ли у него иммунитет против подобных явлений в веке наступившем? 11 сентября 2001 года американцы тысячами считают убитых одним махом. Но, что же вызывает подобную ненависть к человеку? Одним из подпитывающих ненависть источников является нигилизм. Глюксманн считает им желание существовать без правил или действовать, невзирая на запреты. Именно он дает почву для различных проявлений расизма, шовинизма, фанатизма, возрождения агрессивности. «Современность оказалась безжалостной, – отмечает Глюксманн. – Могущество бесчеловечности и действительность ненависти претерпевают опасные мутации... Снова приходится мыслить немислимое, оставить эру водородной бомбы, чтобы вступить в эпоху бомбы человеческой» [Там же]. Другой, более близкий нам пример проявления ненависти – Беслан – Глюксманн называет самым безумным захватом заложников в истории не только по количеству жертв, но еще более по качеству абсолютной жестокости, проявленной в нем: «Тот, кто связками цепляет бомбы над сотнями детей, угрожает им смертью, если они плачут, заставляет их пить мочу, не отступит ни перед чем» [Там же, с. 32]. Все это заставляет действительно согласиться с автором в том, что вопреки позиции скептиков *ненависть существует*. К этому можно только добавить, что здесь аргументация автора, не лишенная некоторой иронии, идет несколько в разрез с совершенно оправданным и ничуть не преувеличенным призывом к увеличению внимания серьезных исследователей на философско-антропологические аспекты человеческого экзистенциала ненависти в контексте социокультурных реалий XXI века. С этим можно соглашаться или не соглашаться, можно дискутировать и спорить относительно приведенных данных, ясным остается лишь одно – то, что приведенные культурные реалии любви и ненависти являются квинтэссенцией экзистенции современного человека, а значит не могут не вызывать живого интереса серьезных исследователей. Поскольку не только от правильной постановки рассмотренных проблем, но и от их адекватного решения зависит наше будущее.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000.
2. Глюксманн А. Философия ненависти / пер. с фр. А. Демина. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Транзиткнига, 2006.
3. Жаров Л. В. Бисексуальная революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
4. Малахов В. Уязвимость любви // Вопр. философии. 2002. № 11.
5. Розин В. М. Что такое любовь? // Философские науки. 2002. № 2.
6. Руденко А. М. Любовь и секс в культуре постмодерна: консумизм вместо коммунизма // Человек и общество: на рубеже столетий: международный сборник научных трудов / под общей ред. проф. О. И. Кирикова. Воронеж, 2007. Вып. XXXVII.
7. Руденко А. М. Философско-антропологическая экспликация любви в философии постмодерна // Философия в XXI веке: международный сборник научных трудов / под общ. ред. проф. О. И. Кирикова. Воронеж, 2006. Вып. 11.
8. Руденко А. М. Философско-антропологическая экспликация феномена любви: от классики до постмодерна: дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2007.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / пер. с франц. М., 1996.

LIFE-SENCE HUMAN EXISTENTIALS IN MODERN EUROPEAN CULTURE**Andrey Mihaylovich Rudenko**

*Department of Philosophy and History
South-Russian State University of Economics and Service
amrudenko@list.ru*

In the article the key life-sence human existentials such as love and hate are considered by the example of modern European culture. In the present conditions they are transformed culturally but that may not always be expressed positively from the point of view of the humanistic criteria for the embodiment of the life-sence intentionality of human existence.

Key words and phrases: existential; existence; love; hate; culture.

УДК 008

В статье рассматриваются заимствования из религий и культур языческих народов Америки, Африки и Азии в практику современных американских неоязычников и связанные с этим конфликты. Выделяются стратегии, к которым прибегают неоязычники для легитимации своих заимствований.

Ключевые слова и фразы: неоязычество; религиозная традиция; культурная идентичность; культурный конфликт; культурное заимствование.

Ася Алиевна Саракаева

*Кафедра истории и архивоведения
Астраханский государственный университет
bayard2006@mail.ru*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ НЕОЯЗЫЧЕСТВЕ®

Во второй половине XX – начале XXI в. все более заметным религиозным массивом в США становится неоязычество, охватывающее такие направления, как викка или ведьмовство, друидизм, нордическое язычество или одинизм и некоторые другие. Эти новые религии, возникшие в противостоянии с иудео-христианской традицией и ценностями, не имеют собственной истории и потому вынуждены прибегать к самостоятельному историческому мифотворчеству для освящения своей веры. Перестав быть христианами или иудаистами, адепты этих религий встают перед вопросом о собственной идентичности и культурном контексте своего социального бытия. Важнейшим аспектом создания неоязыческой историко-культурной идентичности является установление ассоциаций с аутентичными языческими культурами Азии, Африки и коренного населения Америки через заимствование у них религиозных идей и ритуалов. Но не всегда процесс заимствования протекает бесконфликтно. Особенно напряженные отношения у неоязычников сложились на этой почве с американскими индейцами, многие из которых обвиняют их в воровстве и неумелом использовании своих мистических практик.